

"Нам понадобится чья-то помощь", - жалуется Энакин. От одной мысли о том, что придется столько всего сортировать и сканировать, у него начинает болеть голова.

"Действительно, - нехотя соглашается Вейдер. "Возможно, надежный сенатор или двое захотят разобраться с этими откровениями".

Энакин замирает. "Падме?" - тихо предлагает он.

Одна из рук Вейдера сжимается, но в остальном он никак не реагирует. "Возможно". Он молчит в течение одного цикла работы респиратора, прежде чем продолжить: "Нам следует ознакомиться с отчетом Рекса".

Они так и сделали, и отчет оказался гораздо хуже, чем Энакин мог предположить. Палпатин уничтожил целый Звездный разрушитель, на котором находились тысячи клонов. Это еще не считая огромного материального ущерба, оцениваемого в несколько миллиардов кредитов. Тысячи гражданских были убиты, еще десятки тысяч ранены. И это в Уорксе, малонаселенной части Корусанта. Если бы нападение произошло в другом месте, Энакин мог бы предположить, что пострадали бы до миллиона человек. От этой мысли ему стало плохо. Словно Палпатин знал, что умрет, и решил перед этим убить и уничтожить как можно больше.

Дверь кабинета снова открывается, и Рекс заглядывает внутрь. "Пришла сенатор Амидала, просит аудиенции, милорд", - докладывает он.

Вейдер каким-то образом становится еще более неподвижным, чем был, и Энакин чувствует, как эмоции - тоска, боль, горе, вина, гнев, ненависть и многое другое - проносятся сквозь старейшину. В знак солидарности и поддержки Энакин пригибается к плечу Вейдера и кладет руку на его плечо, чтобы встать немного позади Вейдера с правой стороны.

"Отправьте ее внутрь, - приказывает Вейдер.

Она возненавидит меня, думает Энакин, но не говорит этого. Не говорит, потому что это было бы жестоко. Падме знает его. Она не знает Вейдера, и он без тени сомнения знает, что она его возненавидит. Ему будет больно, очень больно, и Энакин не знает, как облегчить эту боль. Все, что он может сделать, - это стоять рядом с Вейдером и молча поддерживать его.

Дверь кабинета снова открывается, и в него врывается Падме, выражение лица которой - и сигнатура Силы - наполнены огненным, страстным гневом. Она в ярости, может быть, даже больше, потому что понимает: она не может отменить то, что они сделали. Сенат поддержал их, и теперь, когда Вейдер стал Императором, она мало что может сделать, кроме как высказаться. В политическом плане она все еще может доставить им огромную головную боль, и Энакин надеется, что она будет благоразумна, но не слишком на это надеется.

"Сенатор Амидала, - приветствует ее Вейдер, и рука Энакина сжимается на его плече. Вокодер сохраняет ровный, без перегибов тон, вероятно, скрывая то, как его голос спотыкается на

имени. Хотя он ничем не выдает себя, его агония беззвучна и остро болезненна, отдаваясь в узах сильнее, чем он может даже экранировать.

"Я здесь", - посылает ему Энакин, окутывая его лаской и поддержкой. "Я здесь".

Темные глаза Падме мелькают между ними, презрение и недоверие очевидны. "Дарт Вейдер", - холодно отвечает она. "Возможно, вы убедили Сенат согласиться с вами, но среди нас много тех, кто не склонится перед вашей тиранией".

"Следите за тем, как вы разговариваете со своим Императором", - говорит Вейдер, кипящий гнев бурлит под поверхностью, но все это направлено внутрь. Он контролирует себя, ведь он так долго был ситхом, и Энакин знает, что не станет вырваться и причинять боль Падме. Даже сейчас она ему небезразлична, а он небезразличен Энакину. Вейдер не причинит вреда Падме.

Она поднимает подбородок. "Я не боюсь тебя".

"А стоило бы", - мрачно говорит Вейдер.

Энакин прерывает разговор, прежде чем он успевает выйти из-под контроля. Лучше покончить с этим. "Вы просили аудиенции, миледи", - говорит он. "Чего вы хотели?"

"Я хочу знать, как вы можете соглашаться на такое", - мгновенно отвечает она, практически не сводя с него глаз. "Вы поклялись защищать Республику, а вместо этого уничтожили ее!"

"Республика уничтожила себя сама", - возражает Энакин. "Мы лишь удержали ее от разрушения. Палпатин ускорил этот процесс. Он бы захватил окончательный контроль".

"А вы убили его и заняли его место. Чем это лучше?" - презрительно спрашивает она.

"Мы не хотим того, чего хотел он", - отвечает он. "Мы не хотим абсолютного контроля. Мы хотим того, что лучше для галактики. Ситхов больше нет. У нас наконец-то появился шанс принести в галактику мир и справедливость. Вы ведь этого хотели, не так ли?"

Она отшатнулась назад. "Не думай, что ты знаешь, чего я хочу, когда ты уничтожил все, за что я боролась. Республика исчезла из-за тебя!"

Энакин вздрагивает, но не отступает. Он не может. Они с Вейдером должны быть сильны вместе. "Нет, - холодно перебивает Вейдер, - Республика исчезла из-за коррупции. Разве ты не помнишь, что случилось с Набу во время блокады Торговой Федерации? Республика ничего не сделала для вас тогда. Она ничего не сделает и для маленьких миров, которым нужна помощь, пока она не станет выгодной. Слишком много коррупции. Вы видели, как сильно разваливалась Республика. То, что мы сделали, было контролируемым разрушением. Мы можем восстановить

ее так, как нужно".

"Галактике не нужна Империя", - твердо заявляет Падме.

"Разве вы не были королевой, сенатор Амидала? Разве в галактике нет монархий? Разве на Альдераане нет королевы? Нет особой разницы между монархией на одной планете и Империей, охватывающей все системы".

"Я была избрана", - отвечает она, даже не обращаясь к другому вопросу об Альдераане. Наверное, потому, что ей нечего сказать в ответ на слова Вейдера.

<http://tl.rulate.ru/book/103113/3578739>